

УДК 82; 821.161.1

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ И ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ ЛИТЕРАТУРАХ РОССИИ (К ВОПРОСУ О МЕЖЛИТЕРАТУРНОМ ДИАЛОГЕ)

© А.З. Хабибуллина

В представленной работе ставится проблема восприятия и переводов произведений Лермонтова в тюркоязычных литературах России в XIX-XX вв. Выясняются некоторые различия между восприятием произведений Пушкина и Лермонтова в тюркоязычном художественном сознании. Через призму проблемы диалога Востока и Запада в творчестве Лермонтова рассматриваются те черты в структуре художественного мышления поэта, которые граничат с особенностями психологии восточного человека. Фактическую основу работы составляют произведения Лермонтова, ставшие в разных тюркоязычных литературах предметом рецепции и множественных переводов («Ашик-Кериб», «Герой нашего времени», «Молитва» и др.), а также анализируются жанровые трансформации, возникшие при переводе на татарский язык стихотворения Лермонтова «Нет, я не Байрон...», выполненном в начале XX века Сагитом Рамиевым.

Ключевые слова: перевод, множественные переводы, диалог Востока и Запада, восточное сознание, парча.

Жизнь произведений Лермонтова в тюркоязычных литературах России представляет собой одну из сложных и недостаточно изученных тем в сопоставительном литературоведении и лермонтоведении. Приведем некоторые факты.

Самым первым переводом произведений Лермонтова в тюркоязычном мире стало стихотворение «Три пальмы», которое в 1895 году на азербайджанский язык перевел Ф.Кочарли [1: 53]. В переводе оно озаглавлено «Три финиковых дерева». Первые ранние переводы данного стихотворения (следующий перевод был выполнен в 1912 году национальным поэтом Аббасом Сиххатом) создавались арузом.

Известно, что в татарской литературе, как и в азербайджанской, произведения Лермонтова начали переводиться в самом конце XIX века. Первым опубликованным татарским переводом стала турецкая сказка Лермонтова «Ашик-Кериб» (1837). В 1897 году она была переведена на татарский язык неизвестным переводчиком и опубликована в Казани в типографии Домбровского. В 1912 году, а затем в 1918 в переводе К.Башира сказка Лермонтова, озаглавленная «Гайшик-Гарип (Шәрек хикәяте)» – «Ашик-Гарип (восточная повесть)», отдельным изданием также выходит в Казани в типографии братьев Каримовых.

В конце XIX века появляются переводы стихотворений Лермонтова на казахский язык. Их автор – известный поэт Абай Кунанбаев, который обратился к таким сложным по содержанию и форме произведениям Лермонтова, как «Выхожу один я на дорогу»,

«Утес», «В альбом», «Измаил бей», «Демон», «Молитва».

В чувашской литературе начала XX века первые переводчики произведений Лермонтова – К.Иванов и Шубоссинни – познакомили своих читателей со стихотворениями «Утес», «Парус» и др. Данные переводы выполнены силлабикой, однако в них, по мнению исследователей, был замечен переход от силлабического стиха в силлабо-тонический стих.

20-е годы ознаменованы созданием в чувашской литературе сказки Лермонтова «Ашик-Кериб»; то же произведение начинает жить на узбекском языке в 1938 году (переводчик У.Рахман). В этом же году оно переводится на национальные языки в туркменской и киргизской литературах (Э.Таганов, А.Токомбаев).

Интересно отметить, что произведения Лермонтова в татарском художественном сознании начали восприниматься и переводиться на родной язык раньше, чем произведения Пушкина. Как утверждает во вступительной статье к антологии «Лирика Пушкина в татарских переводах», произведения Пушкина стали издаваться с начала прошлого века. Так, «поэма «Бахчисарайский фонтан» в переводе М.Уметбаева выходит отдельной книгой в 1901 году. В последующее дореволюционное время внимание переводчиков к Пушкину (одновременно в разных жанрах его творчества) быстро нарастает» [2: 4].

Кроме того, одновременных переводов произведений Лермонтова сложилось намного больше, чем произведений Пушкина. Поэзия Лермонтова рождала в тюркском инонациональ-

ном сознании множественность художественных прочтений и интерпретаций. К примеру, стихотворение «Утес» («Кыя») переводилось на татарский язык четыре раза. Первый перевод Г.Мухаметшина был создан на яналифе в 1934 году, затем к переводу данного стихотворения обратился А.Файзи (1935), а в переводе А.Ерикеева произведение Лермонтова появилось дважды, в 1941 и 1947 годах.

Сказка Лермонтова «Ашик-Кериб», с которой и начиналось знакомство татарского читателя с творчеством Лермонтова в самом конце XIX века, также переводилась четыре раза на татарский язык. Множественность переводческих интерпретаций характерна и для стихотворений «Парус», «Три пальмы», «Молитва», романа Лермонтова «Герой нашего времени». Подобные примеры можно продолжить.

Несомненно, произведения Пушкина также отзывались в национальном художественном сознании разными вариантами переводов, однако анализ целого ряда библиографических источников [2, 3] показывает, что наиболее часто на татарский язык переводились и становились множественными те произведения русского поэта, в которых развивались гражданские мотивы, а также стихотворения о природе и различных природных стихиях (например, стихотворение «Во глубине сибирских руд» Пушкина переводилось на татарский язык 5 раз, «К Чаадаеву», «Узник», ода «Вольность» 4 раза, «Зимний вечер» звучал на татарском языке 8 раз, а произведение «Цветок» – 5).

Лирические и прозаические произведения Лермонтова независимо от доминирования в них тех или иных мотивов переводились в татарской и других тюркоязычных литературах неоднократно. При этом в первую очередь подвергались переводу те произведения русского поэта, в которых звучала тема Востока и доминировали восточные образы («Три пальмы», «Жалобы турка», сказка «Ашик-Кериб» и др.). Как известно, восточная тема является одной из центральных в творчестве Лермонтова, поэтому инонациональное сознание стихийно видело в ней приметы «своей» культуры и художественных традиций.

Кроме того, в начале XX века в татарской литературе на родном языке начали звучать те произведения Лермонтова, в которых были сильны философские и религиозные мотивы: стихотворения «В альбом», «Молитва», «Ангел». Большинство из них были переведены арузом.

Данные факты восприятия и переводов произведений Лермонтова в татарской литературе ведут нас к объективно возникающему вопросу: почему же так органично и свободно тюркоязычное

(шире – восточное) художественное сознание входило в инонациональный мир произведений Лермонтова и что позволяло ему увидеть в произведениях русского классика черты «своего» миропонимания?

Размышляя над ним, мы полагаем, что такое восприятие, рождающее множественность художественных и переводческих интерпретаций, не было случайным и невольным. В своей работе мы исходим из идеи о том, что в структуре мышления Лермонтова были такие формы, которые находили параллели с сознанием восточного человека и, соответственно, были с ним типологичны.

Однако необходимо отметить, что в отечественной критике и в исследованиях лермонтоведов XX века изучение того, как мышление Лермонтова граничило с какими-то формами восточного сознания, арабо-мусульманской культуры в целом, не было достаточным. В основном рассмотрение диалога Востока и Запада в творчестве Лермонтова, изучение интереса Лермонтова к разным культурам велось в свете проблемы влияния Запада и его литературы на творчество поэта. В частности, именно эта идея получила развернутое обоснование в известной книге Б.Эйхенбаума «Лермонтов как историко-литературная проблема» (1924) [4].

Наиболее полно представление о сходстве мышления Лермонтова с культурой арабо-мусульманского Востока, с особенностями восточного сознания нашло выражение в работах Ю.Лотмана «Проблемы Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова» [5] и «Фаталист» и проблема Востока и Запада в творчестве М.Ю.Лермонтова» [6]. В своей концепции Лотман исходит из мысли о том, что в позднем творчестве Лермонтова одной из главных звучит проблема специфики исторической судьбы России. Как пишет Ю.Лотман, «своеобразие русской культуры постигалось в антитезе ее как Западу, так и Востоку. Россия получила в этой типологии наименование Севера и сложно соотносилась с двумя первыми культурными типами, с одной стороны, противопоставляя им обоим, а с другой, выступая как Запад для Востока и Восток для Запада» [5: 804]. В поздних произведениях Лермонтова, прежде всего в романе «Герой нашего времени», совмещаются самые разные культурные модели. Так, через образ Печорина в этом контексте Лермонтов пытался выявить сущность русской культуры, что обусловило противоречивый, двойственный характер героя: «способность в определенные моменты быть «человеком Востока» и в то же время проявлять свои личностные свойства» [6: 227]. Согласно взглядам Лот-

мана, «два полюса романтического сознания: гипертрофированная личность и столь же гипертрофированная безличность распределяются между Западом и Востоком» [6: 221]. В лирических произведениях Лермонтова, например, в стихотворении «Три пальмы», а также в романе «Герой нашего времени», в сказке «Ашик-Кериб» имеет место диалог Востока и Запада. Однако, по мнению исследователя, как и другие художественные антитезы в творчестве Лермонтова – добро-зло, земля-небо, поэт и толпа – такой диалог носил непримиримый, полярный характер.

Рассуждения о Востоке, образующем одну из основных тем в творчестве Лермонтова, имели место в работе А.Е.Коноваловой «Тема Рока в кавказских поэмах Лермонтова» [7].

Интересные размышления в свете рассматриваемой нами проблемы – проблемы диалога Востока и Запада в произведениях Лермонтова – представлены в работе В.В.Зеньковского «М.Ю.Лермонтов» (1960). В своем исследовании Зеньковский доказывает, что герой Лермонтова, устремленный в богоборчество, тем не менее «полон томления и жажды вернуться к Богу» [8: 875]. «Вообще, – пишет В.Зеньковский, – склонность к мятежу гораздо больше говорит о том, что душа Лермонтова была сдавлена невыраженными или неосуществленными порывами, которые уходили вглубь души без надежды выявить себя. Отсюда и мятеж – смысл которого *метафизичен*, ибо этот мятеж не против отдельных трудностей в жизни, а против «коренной неправды в бытии» [8: 875-876].

Такая особенность мышления Лермонтова, проявившаяся по-своему в характере и образе мыслей его героев, в их способности к созерцанию мира, философичности мышления, скрытой рефлексии, на наш взгляд, во многом соотносится с психологией восточного человека. Для последнего также ценным является сокрытие в себе переживаний, истинных чувств, углубленность в себя. Хотя В.Зеньковский прямо не пишет о сходстве двух типов сознания, как и о диалоге Востока и Запада в творчестве поэта в целом, тем не менее, в той закрытости и интровертности героя произведений Лермонтова, о которой говорится в его статье, легко угадываются черты психологии человека Востока.

Достаточно ярко внутреннее противоречие мыслей и поступков, углубление в себя и в то же время выраженный протест раскрывается в характере Печорина (Глава «Журнал Печорина»). Глубокая рефлексия, невыраженные идеалы и мечты свойственны содержанию таких стихотворений Лермонтова, как «В альбом», «Парус»,

«Не смейся над моей пророческой тоскою», «И скучно, и грустно», «Нет, я не Байрон...» и др.

Если размышлять об истоках рассматриваемой формы восточного мышления – склонность к рефлексии и закрытость в выражении чувств, – то справедливо предположить, что они лежат не только в области исламской религии, но и в традициях средневековых арабо-персидских литератур, которые в течение многих столетий «питали» тюркоязычные литературы своей поэтикой, образами, художественными формами. В частности, об этом писал зарубежный востоковед Г.Ф.Грюнебаум в своей статье «Эстетические основы арабской литературы». В ней он утверждает, что поэзия на Востоке преимущественно копировала то, что правильно. Кроме того, «психологические категории поэзии были также определены, как и градация чувств в ней. Даже излишнее должно быть воистину чрезмерным. Условная реакция свидетельствует о подлинности чувства. Выражение интимных чувств с помощью стандартных излияний скрывает все, что в них действительно личного и нового. В конечном счете, поэзия замкнута в себе и скрыта. <...> Существует масса свидетельств тому, как глубоко арабы понимали человеческую сущность, однако этого нельзя обнаружить ни в поэзии, ни в прозе вне религиозной сферы» [9: 167].

Справедливо предположить, что такая особенность восточного сознания по-своему проявилась и в татарской литературе начала XX века, которая в то время была ориентирована на русскую классику. Так, выявленные параллели психологии героев Лермонтова с некоторыми основами восточного сознания проявились в парчалар («отрывках», «кусках») С.Рамиева, которые были созданы татарским поэтом в подражании стихотворениям Лермонтова.

Среди отрывков С.Рамиева особое место занимает стихотворение «Күңелемдә минем..» («В моей душе..»), созданное по мотивам произведения Лермонтова «Нет, я не Байрон...». Интересно отметить, что из всего содержания стихотворения русского поэта, в котором он говорит об особенностях русской души («Нет, я не Байрон, я другой, / Еще неведомый избранник, / Как он, гонимый миром странник, / Но только с русской душой»), С.Рамиев в свете традиций жанра парчи выделяет и достаточно точно переводит только его небольшую часть. В ней лирический герой Лермонтова признается в несбывшихся надеждах, в том, что в глубине его души до сих пор таются невоплощенные мечты [10: 130].

Күңелемдә минем, зур дингездәге кебек,
Жимерек өмидләрдән тау ята [11: 66].
В моей душе, как в море,

Гора несбывшихся надежд лежит
(подстрочный перевод наш – А.З.Хабибуллина).

Сравните. Лермонтов:

В душе моей, как в океане,

Надежд разбитых груз лежит [10: 130].

Обращение только к этой части стихотворения Лермонтова и перевод его на родной язык по-своему иллюстрирует сказанное выше.

Таким образом, выявленные некоторые параллели художественного мышления Лермонтова с традициями литератур Востока, с особенностями психологии восточного человека позволяют глубже понять природу множественности переводов произведений Лермонтова в татарской литературе XIX – начала XX вв.

Установленные черты типологии также дают более глубокое представление о том, почему произведения Лермонтова свободно входили в тюркоязычный художественный контекст и воспринимались многими поэтами и переводчиками в свете традиций «своей», а не «чужой» культуры и языка.

1. Сamedова Л. Народов связующая нить. – Баку: Язычы, 1980. – 144 с.
2. Лирика А.С.Пушкина в татарских переводах / Сост. Г.Ф.Сафина, науч. ред. Я.Г.Сафиуллин. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. – 135 с.
3. Нигматуллин Э.Г. Диалог литератур. Указатель переводов произведений русской литературы на

татарский язык. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 175 с.

4. Эйхенбаум Б.М. Лермонтов как историко-литературная проблема // М.Ю. Лермонтов: PRO ET CONTRA. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. – СПб: РХГИ, 2002. – С. 475-505.
5. Лотман Ю.М. Проблемы Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова // М.Ю.Лермонтов: PRO ET CONTRA. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. – СПб: РХГИ, 2002. – С.802-824.
6. Лотман Ю.М. «Фаталист» и проблема Востока и Запада в творчестве М.Ю.Лермонтова // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1988. – С.218-234.
7. Коновалова А.Е. Тема Рока в кавказских поэмах Лермонтова // Литературоведческий журнал. – 2006. – № 20. – С.16-25.
8. Зеньковский В.В. М.Ю.Лермонтов // М.Ю.Лермонтов: PRO ET CONTRA. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. – СПб: Изд-во Рус. Христ. Гуманитарного ин-та, 2002. – С.874-883.
9. Грюнебаум Г.Э. Эстетические основы арабской литературы // Г.Э.Грюнебаум. Основные черты арабо-мусульманской культуры. Ст. разных лет. – М.: Наука, 1981. – С.157-175.
10. Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 2 томах. – М.: Правда, 1988. –Т.1. – 719 с.
11. Рамиев С. Болей, душа! Стихотворения. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. – 95 с. (на тат.яз).

PERCEPTION PECULIARITIES OF M.Y.LERMONTOV'S WORKS AND THEIR INTERPRETATION IN TURKIC LITERATURE (ON THE ISSUE OF INTERLITERARY DIALOGUE)

A.Z.Habibullina

The issue of perception of Lermontov's works and their translation in Turkic literature of the XIX-XX centuries in Russia is under study in this article. Here are revealed some distinctions in the perception of Pushkin's and Lermontov's literary works by Turkic people of Russia. It is those structural features of Lermontov's artistic thought verging on the peculiarities of the Eastern man's psychology that are studied in the article in the light of the Eastern and Western dialogue problems. Lermontov's literary works constitute the basis of the article, which have become a subject of reception and interpretation in Turkic literature (*Ashik Kerib, A Hero of Our Time, The Prayer, etc.*). Genre transformations of Lermontov's poem *No, I'm Not Byron* and it's translated variant in Tatar (made by Sagit Ramiev at the beginning of XX century) are detected as well.

Key words: translation, interpretation variants, Eastern and Western dialogue, Eastern perception, brocade.

1. Samedova L. Narodov svyazuyushhaya nit'. – Baku: Yazychy, 1980. – 144 s. (In Russian)
2. Lirika A.S.Pushkina v tatarskix perevodax / Sost. G.F.Safina, nauch. red. Ya.G.Safiullin. – Kazan': Kazan. gos. un-t, 2004. – 135 s. (In Russian)

3. *Nigmatullin E'.G.* Dialog literatur. Ukazatel' perevodov proizvedenij russkoj literatury na tatarskij yazyk. – Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2002. – 175 s. (In Russian)
4. *E'jxenbaum B.M.* Lermontov kak istoriko-literaturnaya problema // M.Yu.Lermontov: PRO ET CONTRA. Lichnost' i tvorchestvo Mixaila Lermontova v ocenke russkix myslitelej i issledovatelej. Antologiya. – SPb: RXGI, 2002. – S. 475-505. (In Russian)
5. *Lotman Yu.M.* Problemy Vostoka i Zapada v tvorchestve pozdnego Lermontova // M.Yu.Lermontov: PRO ET CONTRA. Lichnost' i tvorchestvo Mixaila Lermontova v ocenke russkix myslitelej i issledovatelej. Antologiya. – SPb: RXGI, 2002. – S.802-824. (In Russian)
6. *Lotman Yu.M.* «Fatalist» i problema Vostoka i Zapada v tvorchestve M.Yu.Lermontova // Lotman Yu.M. V shkole poe'ticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol'. Kn. dlya uchitelya. – M.: Prosveshhenie, 1988. – S.218-234. (In Russian)
7. *Konovalova A.E.* Tema Roka v kavkazskix poe'max Lermontova // Literaturovedcheskij zhurnal. – 2006. – № 20. – S.16-25. (In Russian)
8. *Zen'kovskij V.V.* M.Yu.Lermontov // M.Yu.Lermontov: PRO ET CONTRA. Lichnost' i tvorchestvo Mixaila Lermontova v ocenke russkix myslitelej i issledovatelej. Antologiya. – SPb: Izd-vo Rus. Xrist. Gumanitarnogo in-ta, 2002. – S. 874-883. (In Russian)
9. *Gryunebaum G.E'.* E'stetcheskie osnovy arabskoj literatury // G.E'.Gryunebaum. Osnovnye cherty arabomusul'manskoj kul'tury. St. raznyx let. – M.: Nauka, 1981. – S.157-175. (In Russian)
10. *Lermontov M.Yu.* Sochineniya: V 2 tomax. – M.: Pravda, 1988. –Т.1. – 719 s. (In Russian)
11. *Ramiev S.* Bolej, dusha! Stixotvoreniya. – Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2000. – 95 s. (In Tatar)

* * * * *

Хабидуллина Алсу Зарифовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: Alsu_Zarifovna@mail.ru

Habibullina Alsu Zarifovna – candidate of philological sciences, docent of the department of Russian Literature and instruction, Institute of Philology and intercultural communication of Kazan (Volga Region) Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: Alsu_Zarifovna@mail.ru

Поступила в редакцию 04.03.2014